Сергей АКСЁНОВ

ОСВОБОДИТЬ! РАДИ СПРАВЕДЛИВОСТИ

О деле Александра АВЕРИНА

В ПЕРВУЮ НЕДЕЛЮ апреля на таможенном посту Матвеева Кургана был задержан сопредседатель "Другой России" Александр Аверин, возвращающийся из рабочей поездки в Луганск. Александр Аверин — доброволец и ополченец, рисковавший жизнью в ЛНР, теперь находится в СИЗО Таганрога как минимум до середины июня.

Освобождение его — дело не только справедливое, но и политически необходимое для поддержания баланса оппозиционных сил в России. Все последние годы мы наблюдаем лишь один тренд: освобождаются те, кого агрессивней и зубастее защищают либеральные СМИ. Если за человека заступается "Эхо Москвы" — он будет отпущен; если про задержанного заговорило радио "Свобода" — он оказывается на воле, если в дело вмешиваются правозащитники, например, "Мемориал" — то виновный уже не виновный, а оправданный. Все мы помним шум вокруг Pussy Riot, освобождение Ильдара Дадина, недавнюю историю Юрия Дмитриева. Танцуйте в храмах, устраивайте несанкционированные митинги, занимайтесь педофилией, лишь бы у вас было СМИ-прикрытие.

И вот за решёткой оказывается ополченец-патриот, более того, пресс-секретарь оппозиционного движения, человек, известный московским и питерским журналистам. Тишина… тема для прессы не интересная. Как это всё произошло? Не пишут ни "Ведомости", ни "Коммерсант".

Аверина задержали в апреле при переходе из Луганской народной республики в Россию. КПП на стороне ЛНР он прошёл благополучно, а вот на КПП Авило-Успенское в Ростовской области вдруг возникли проблемы. Сначала его задержали якобы за неповиновение пограничникам. На самом деле никакого неповиновения не было. Саша предъявил паспорт, его попросили пройти с сотрудниками, он прошёл.

Через некоторое время в рамках проводимых оперативно-розыскных мероприятий у него из сумки извлекли пистолет Макарова и магазин с семью патронами. Саша немедленно заявил, что оружие ему не принадлежит, и в отношении него совершена провокация. Обо всём этом Александр подробно рассказал в ходе судебного заседания по мере пресечения в Матвеевом Кургане — местном райцентре.

Сергей ЧЕРЕПОВСКИЙ, товарищ Александра.
— В Матвеевом Кургане всё удобно, прямо перед автостанцией суд, слева от суда местный отдел ОВД, где Саша находился, справа — местная прокуратура и приёмная "Единой России". Когда мы вошли с адвокатом в зал, Александр был уже там: аккуратно одетый, улыбающийся. Оказалось, что Аверин с делом не знаком. Для ознакомления был объявлен перерыв. Далее суд пошёл своим чередом, было зачитано три или четыре идентичных рапорта полицейских, которые свидетельствовали о том, что "Александр Аверин собирается уклоняться от уголовной ответственности" и что его необходимо изолировать.

Главным доказательством причастности Александра к "контрабанде оружия" был непонятно откуда взятый отпечаток пальца средней руки. Но в деле не описано было ни место пистолета с отпечатком, ни каким образом он был снят. Также в деле отсутствовало сравнение этого отпечатка с отпечатками Саши.

Аверин пытался объяснить суду, пытался донести до суда, что он занимается политикой, что он "в своём уме" и явно не стал бы проносить огнестрельное оружие через оборудованный металлоискателями погранпункт.

Суду необходимо было учесть и то, что во время обыска и задержания Александра его сумка пропадала из виду несколько раз и на приличное время, — о чём он и сказал понятым при обнаружении пистолета. Однако суд не учёл никаких доводов защиты, равно как и поручительства депутата Госдумы Сергея Шаргунова. Александр был оставлен под арестом. Апелляционная инстанция оставила всё без изменений.

Канва обвинения, увы, не сулит Александру ничего хорошего. Вероятнее всего, в окончательном варианте ему предъявят незаконное хранение (ст. 222, ч. 1) и контрабанду оружия (ст. 226.1, ч. 1). Последняя относится к тяжким статьям и предусматривает наказание от трёх до семи лет. Именно подозрение в контрабанде позволяет "закрыть" человека на время следствия в СИЗО. Тот же пистолет Макарова, изъятый где-нибудь в Москве, не стал бы достаточным поводом для ареста.

Андрей ДМИТРИЕВ, сопредседатель "Другой России".
— Когда юный длинноволосый студент Александр Аверин пришел в ряды нацболов (НБП — экстремистская организация, запрещённая в России), он быстро занял должность пресс-секретаря и сразу стало казаться, что он всегда эту должность и занимал. После Лимонова Саша всегда был самым цитируемым человеком в партии, его прекрасно знал весь журналистский и политический бомонд Москвы (который сейчас как воды в рот набрал в связи с его арестом). Он же выполнял функции главного партийного юриста, ведя переписку с московской мэрией по поводу различных акций и готовя документы, когда партия пыталась легализоваться в политическом пространстве. А ещё была обычная нацбольская текучка — сотни акций, шествий и митингов, десятки задержаний, административных арестов, уголовных дел…

В 2014 году Александр уехал защищать Русский мир на Донбасс, причём рядовым добровольцем, участвовал в боях на Северском Донце, во взятии Дебальцева. "У нацболов хорошо получаются три вещи: делать акции прямого действия, воевать и писать книги", — говорил он мне. По первым двум пунктам доказано. Ну, а книги он, уверен, ещё напишет.

По иронии судьбы, как раз при выезде из Донбасса, куда он ездил повидать бывшую супругу и боевых товарищей, его и взяли. Ну а далее — арест, таганрогский ИВС… И практически полное отсутствие реакции общества.

Ростислав ЖУРАВЛЁВ, ополченец ЛНР.
— Не секрет, что Сашу любят женщины, а он им отвечает взаимностью. А война — женского рода, и он с ней как-то сразу подружился и доверился ей, коварной. Помню как-то кто-то из наших бойцов обеспокоенно поделился наблюдением, что "Пепел" (позывной Аверина. — С.А.) потерял чувство страха и начал вставать в полный рост из окопов на передовой". "Что-то надо делать, убьют же", — говорили мы. Вообще-то потеря чувства страха не самое лучшее качество на войне, там не любят бравады. Но, видать, это правило не распространяется на товарища Аверина.

Помню, как он пересёк границу, приехав в Донбасс. И как-то сразу освоился: ни мандража, ни чувства тревоги, только любопытство. Как в гости к друзьям пришёл. А еще Саша очень интеллигентный и образованный, и глупо думать, что он мог попытаться перетащить через границу пистолет. Да и зачем ему вообще пистолет, когда он на войне управлялся ПТУРами и "сапогами" (СПГ-9), гоняя украинские танки.

Мы же прекрасно понимаем, что с самого начала к нам, нацболам, было очень пристальное внимание со стороны спецслужб, особенно когда партия отправилась воевать. На границе тебя могли проверить несколько раз. Приходилось всегда очень тщательно готовиться к переходу. Вытряхивались все сумки, не дай Бог куда "маслёнок" (патрон) закатился случайно. А тут пистолет. На хрена он нужен.

Денис ЗОММЕР, секретарь ЦК Объединённой коммунистической партии.
— Александр — надёжный и порядочный человек, который всегда делает то, что обещает. Характерно, что он как представитель партии взаимодействовал с большой левой коалицией на волне "болотных площадей", этих псевдооппозиционных восстаний 2012 года. Тогда, во время Второго форума левых сил, "Другая Россия" вошла в его состав. С этого момента началось наше серьёзное сотрудничество. Устраивали совместные мероприятия как в ключевые для всех левых даты: 1 мая, 7 ноября, — так и по каким-то важным поводам.

На мой взгляд, власть показывает свою слабость, свою абсолютную неразумность, когда людей, которые действительно живут мыслями о своём Отечестве, желают сделать его более справедливым, защищают русских, советских людей в Донбассе, сажают в тюрьму. Хотелось бы, чтобы справедливость восторжествовала.

Елена АВЕРИНА, сестра.
— Мы узнали о том, что Сашу арестовали 12 апреля. Это была третья годовщина смерти папы. Когда он умер, Саша был в Донбассе, но приезжал на похороны. Родителей он всегда любил, любит и никогда не бросит. Мама наша, конечно, сейчас очень переживает. Но сам он воспринимает заключение стойко — как определённый жизненный этап. Пару дней назад я отправила ему посылку (кучу всего, много книг). Он всегда любил фантастику, так что положила Лукьяненко, Ника Перумова, все новинки. Естественно, фотографии племянников. Родни у нас очень много, все беспокоятся, поддерживают, ждут.

Дмитрий АГРАНОВСКИЙ, адвокат, правозащитник.
— Александра Аверина я знаю больше 15 лет. И за это время составил о нём вполне ясное мнение. Несмотря на то, что он состоит в организации, которая у нас в России считается достаточно радикальной (по мировым меркам, даже по европейским, она вполне умеренная), я его знаю как абсолютно разумного, спокойного и вменяемого человека. В те обвинения, которые ему предъявлены, я просто не верю. Считаю их просто нелепыми. Аверин обладает достаточно большим жизненным опытом, известен практически любому политически активному жителю Москвы, а может быть, и России, и поверить в то, что он пытался вывезти из Донбасса пистолет, невозможно, так как он ему здесь абсолютно не нужен. Это человек совершенно других целей и задач.

Но как человек, давно работавший сначала с Национал-большевистской партией, впоследствии запрещённой, а затем с "Другой Россией", я знаю, что Аверин в организации — ключевое звено для взаимодействия с внешним миром. В том числе и со мной как с адвокатом. Как раз сейчас по нацболам начинают выходить решения Европейского суда, в том числе и достаточно громкие и, может быть, даже болезненные. Хотя это исключительно вопросы права, а не политики. Теперь, после ареста Аверина, коммуникация с "Другой Россией" затруднена. И я логически прихожу к выводу, что был нанесён удар именно по организации для того, чтобы ограничить её возможности для взаимодействия с внешним миром.

Предполагаю, что это укладывается в продолжающееся политическое преследование нацболов, "Другой России", потому что они в любом качестве властям не нравятся. Хотя придерживаются абсолютно патриотической позиции. Может быть, мы живём в такое время, когда всё, что хотя бы чуть-чуть отличается от "генеральной линии", на всякий случай "убирается". Поэтому я хотел бы, чтобы и власти, и правозащитники, и общественные деятели обратили внимание на дело Аверина. Мы имеем дело с политическим преследованием оппозиции. Причём именно патриотической оппозиции, о которой говорил как-то президент.

Сергей ШАРГУНОВ, депутат Госдумы РФ.
— Я знаю Александра много-много лет как честного, прямого и интеллектуального человека, для которого всегда была важна справедливость. Поэтому я и дал личное поручительство за него, по поводу его судьбы (в суде Матвеева Кургана. — **С.А.**) и, более того, отслеживаю происходящее с ним. На мой взгляд, произошедшее с ним — провокация, поскольку Александр заранее рассказывал, что с ним может что-то случиться. Такая провокация — особенная подлость, поскольку речь идёт об искреннем патриоте нашего Отечества, о человеке, защищавшем наших соотечественников. Я всей душой с Александром и желаю ему скорейшего освобождения.

P.S. Ходатайство руководителя аппарата Союза добровольцев Донбасса Романа ЛЕНЬШИНА.
Аверин Александр Александрович, 13.01.1981 г.р., гражданин Российской Федерации, принимал участие в защите мирного населения Донбасса в самое сложное для Луганской и Донецкой народных республик время, с начала 2014 года.

Во время службы проявил себя как лидер, умеющий самостоятельно принимать решения в сложной оперативной обстановке. Его действия неоднократно приводили к отсутствию потерь среди военнослужащих и недопущению прорыва вражеских войск. Пользовался уважением среди личного состава подразделения.

Во время пребывания на территории ЛНР и ДНР неоднократно помогал детям из детских садов и интернатов, сопровождал фуры с медикаментами в больницы и хосписы, обеспечивал одеждой и едой беженцев, занимался вывозом мирного населения из зон обстрелов, организовывал снабжение продуктами питания населённые пункты, расположенные вдоль "буферной зоны".

Занимает активную гражданскую позицию, отстаивает интересы России на внешнеполитическом пространстве. Имеет контузию.

Просим Вас учесть характеризующие данные Аверина Александра Александровича при рассмотрении его вопроса, а также учесть его активную жизненную позицию при защите мирного населения на территории Донбасса.

Сергей ПРУДНИКОВ

ПРИФРОНТОВОЙ ПОЧТАЛЬОН

О работе на линии огня

МЕСЯЦ НАЗАД в посёлке Александровка, что под Донецком, после четырёхлетнего перерыва открылось отделение почты. Александровка находится на "линии соприкосновения": с окраинных улиц её прекрасно видны сараи на соседних холмах, которые принадлежат Украине. С понедельника по субботу, независимо от положения дел на фронте, газеты, письма и пенсию местным жителям разносит Юлия Лобко.

Отделение почты — небольшой закуток при центральном магазине: внутри умещается с десяток посетителей. В 9 утра Юля и её напарница Надя получают корреспонденцию и разъезжаются на велосипедах по разным концам посёлка.

"Двадцать шесть адресов у меня в списке, — говорит улыбчивая молодая женщина, беря за руль старенький вело марки "Ретро". — Обычно я быстро управляюсь, до часу. Но сегодня мы пешком ведь".

Фото автора

Юлю нельзя отнести к "образцово-показательным" почтальонам, которые отдали любимой работе десять или двадцать лет и которых знает каждая кошка. Служебную сумку через плечо она "примерила" только в апреле. До этого трудилась пекарем, социальным работником, продавцом в магазине (который располагался как раз на соседнем холме). Юля родом даже не с Украины — чистая россиянка: в конце 80-х родители перебрались из Краснодарского края в более благополучный Донбасс.

"В советское время тут лучше было, чем на Кубани, — рассказывает собеседница, когда мы начинаем свой путь вдоль покусанных снарядами домов. — И белый хлеб, и одежда, и вообще любые товары. Богатый, развивающийся край".

Основные адресаты сегодня — дети Великой Отечественной, старики 80—90 лет. Единовременная социальная выплата к 9 мая, которую разносит почтальон, — 1500 рублей. На вопрос: "Много это или мало?" — Юля отвечает: "Судите сами: минимальная пенсия у нас 2900. И то подняли, зимой ещё 2600 была".

Первое "дитё войны" (как называет их Юлия) — Бронислава Альбертовна. Встречает нас её младшая сестра Наталья, проводит в сенцы и на чистом украинском сообщает, что бабушка плоха, лежит и лежит, из комнаты почти не выходит на белый свет. Вспоминает, что в 1941-м "мамка плакала: идуть немцы и идуть на восток, гонять и гонять наших". Что когда бои на Саур-Могиле шли спустя два года, то зарево стояло до неба. Сама сестра, Бронислава, после войны работала в шахте вагонетчицей. И всю жизнь боялась грозы, а тут на старости лет — постоянные обстрелы.

Следующий получатель — 92-летняя Лидия Егоровна. Живёт одна, дети-внуки — кто где.

Глядя на то, как ветхая старушка мелкими шажками выходит нам навстречу, опираясь на палку и стенку, не могу удержаться:
— Как управляетесь-то?
— Помаленьку, — улыбается хозяйка. — Цибулю и морковку вот посадила. Дэвочка за мной прикреплена: два раза в неделю скупляется в магазине. А так роблю сама, не жалуюсь.

И добавляет:
— А та немецкая война лучше была, чем эта. Потому что недолго шла. И не дюже стреляли. И хаты не горели так сильно. Горели. Но не так сильно!

Третий адрес мы ищем долго. Номерные таблички — редкость. Прохожих, что подскажут, не дождёшься. Сама Юля ориентируется в переулках и тупиках пока слабо. Обращаю внимание, что нет в ней и той хозяйской уверенности, что присуща бывалым почтальонам. Прежде чем толкнуть калитку, опасливо заглядывает: нет ли собаки? Стучит в окно и долго прислушивается: у себя? В одной из молчаливых "безадресных" хат я предлагаю открыть входную дверь, но Юля останавливает: "Не надо. Скажут — лазят тут!"

Не знаю, дело ли в моей спутнице, но, кажется, эта "неуверенность" и осторожность — влияние именно последних четырёх лет.

Проходя мимо одного дома, Юлия кивает: "А тут глава посёлка нашего живёт, Викторович, — и расплывается, как героиня Федосеевой-Шукшиной в "Калине красной". — Он хороший у нас!"
— Чем хороший? — скептично интересуюсь: тема "хороших" чиновников меня мало воодушевляет.
— Если у человека беда, или помощь какая нужна: машина, стройматериалы — все к нему. Обязательно поможет.

И объясняет, что на почту она устроилась благодаря Викторовичу. Последние два года, работая при сельсовете социальным работником, вот так же, как сейчас, разносила помощь ветеранам, многодетным и одиноким, составляла списки нуждающимся по углю. Всё бы ничего, но зарплата — 2800 рублей. Юля одна воспитывает сына.

Прежнее почтовое отделение заколотили во время боёв в 2014 году, штат распустили. Когда узнала, что восстанавливают, обратилась к главе: "Я хочу. Возьмите". Взяли. Зарплата, правда, тоже невеликая. Но, главное — устроилась. Повезло! Считай, лотерейный билет вытянула.

…Среди детей войны всё больше бабушки. Одна из них — 86-летняя Любовь Ивановна. Двор у хозяйки чистый, прибранный. И много цветов.

"Всё хорошо у меня, — кажется, вполне искренне говорит о своём житье-бытье старушка. — На дальних улицах дюже стреляют, а до нас не долетает. И вчора палили, и ночью. А всё лучше, чем было вначале. Не так страшно. Сама хоть и болею, но не хочу сейчас умирать. Жить хочу".

О прошлой войне вспоминает, что "семья дюже здорова была — девять детей"… Что когда немец, отступая, пришёл их хату палить, то батька-инвалид вывел всех девятерых на улицу… "И немец побачил-побачил на маленьких детишэчек и не стал палить". После школы Любовь Ивановна работала в колхозе, на молокозаводе, в больнице. А ещё цветы всегда выращивала и на базарчике продавала.

"Раньше при советской власти хорошо цветы брали, — делится хозяйка. — И на праздники, и так. А потом, при Украине, перестали брать. И сейчас не берут. Если только на кладбище.

Прощаясь, бабушка приносит нам букетик тюльпанов: " Возьмите! Я так всем раздаю". Юля смеётся: "Куда я по деревне с букетом? Мне ходить ещё и ходить".

В двух кварталах нас встречают совсем другие настроения. Несколько женщин стоят на перекрёстке. Узнав, что с почтальоном пришёл журналист, они выплёскивают всё, что накопилось (и что друг другу не выскажешь — рутина): жалобы на бесконечную усталость от войны, на унизительное отсутствие денег, на безнадёжность.

"Ночуем с соседкой вместе, тоже пенсионеркой, пооодиночке страшно", — говорит жительница улицы Горького, Лида.

"Мама у меня — ветеран войны. Каждый раз спускаем её, инвалида, на верёвках в подвал. Чем она такое заслужила?" — не сдерживает крика Евгения по фамилии Герой. И вспоминает, что до войны на любой праздник все выносили на улицу столы, смеялись, плясали, "песни спевали". А теперь не с кем поздороваться.

Ещё одна женщина обращается, должно быть, ко всем жителям мирных районов Донецка, в том числе соседнего Петровского, где, в отличие от Александровки, ещё можно жить:
— Жируете на Петровке? А я сына 34 годов похоронила. Потому что врачи у нас бестолковые, людей не могут лечить! Я поехала, повезла детину в Донецк, 57 тысяч за операцию заплатила. И они загнали его в гроб — не сробили операцию двенадцатиперстной кишки. Потому что бараны, полные бараны! Долги надо вертать, а я от безысходности дома сижу. Хочу работать, да негде!..

…На окраине посёлка открываются те самые холмы, где уже Украина и до которых через минные поля не больше двухсот метров. Там стоит деревня Марьинка — родная "сестра" Александровки.

По словам Юлии, с возвышенности солдаты ВСУ могут видеть нас, идущих сейчас по пыльной улице Горького, и поворачивающих на Ленина. Ходить тут опасно, и она, Юля, всегда быстро минует открытые пространства. В самой Марьинке не была четыре года. В 2014-м села на свой велосипед и поехала кружным путём по тропинке оформить документы по алиментам.
— Не доехала, снайпер стрелять начал. Пугать, баловаться. Пустит пулю, я остановлюсь, он ждёт. Снова еду — опять стреляет. Посидела-посидела и повернула. Больше не ездила.
— Так и не оформили алименты?
— Нет.

Проходя мимо изрешечённых заборов, целлофановых окон и заколоченных домов, обращаю внимание, что в глаза в первую очередь бросается всё-таки не война, а весна, а с ней — мир. Клумбы скороспелых тюльпанов у каждой третьей калитки. Яблони, вишни и абрикосы в цвету. Само яркое солнце над головой…

Возле ограды с одним из таких цветущих садов нас настигает первый разрыв. Приседаем, оглушённые. Ударило совсем рядом, но не ясно — что, откуда, где?

"Всё нормально", — откликается первой Юля. А я с трудом вытаскиваю застрявшие в горле слова, стараясь подбодрить спутницу: "Это не по нам. Может быть, на минном поле что-то…"

Второй разрыв будет позже, и спокойная и улыбчивая Юля не выдержит, зазвенев голосом: "Ох, и задрали ребята!" И пойдёт дальше.

Улица Ленина перегорожена блокпостом надвое, и часть домов находится в "серой" зоне. В этой "полосе отчуждения" живёт Вера Петровна, ровесница Победы. Родилась в апреле 1945-го в Германии, куда угнали из Украины её мать и отца. Вера Петровна получает положенные ей 1500 рублей и газету "Домовой" — донецкий журнал для садоводов.

"Нейтральный" участок Ленина располагается в низине; с одной стороны — блокпост ДНР, с другой — позиции армии ВСУ, практически впритык друг к другу. Пока стоишь, хочется вжать голову в плечи и стать меньше: до того неуютно. Впрочем, сама Вера Петровна и вышедший муж её, да и все предыдущие адресаты, и Юля, напротив, выпрямлены и как будто подчёркнуто спокойны. Ни сгорбленности, ни суетности. Снова списываю это на влияние войны: по-другому в таких условиях невозможно?

Прощаемся с моим почтальоном мы спустя час. У неё впереди ещё несколько человек — пешком долго, до вечера проходишь.

Напоследок Юля делится своим ощущением от войны: "Когда только начиналось, мы не воспринимали всё всерьёз. Жили мирно, и вдруг обстрелы — ну разве такое бывает? Не верили, пока над головой не засвистело. Хотя, если честно, я и до сих пор не верю. Все свои, всё своё! Как будто шутка какая-то…"

Битва За ИСТОРИЮ

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ задача. Дано: 1) Евросоюз критикует Польшу с 2016-го. Еврокомиссар Гюнтер Эттингер: "Есть много причин для того, чтобы задействовать правовой механизм и вести мониторинг действий Варшавы". Спикер Европарламента Мартин Шульц: "Это опасная путинизация европейской политики. Весь демократический спектр политических сил мог бы заявить, что такая политика противоречит базовым европейским ценностям".

2) Польша приглашает армию США. Зная и учитывая главный критерий Трампа, объявляет: мы готовы потратить 2 млрд долл. На строительство военной базы.

Решение "задачи" поляки видят в своей истории. Против брюссельского футуризма задействуют "Ягеллонскую идею" (Idea jagiellońska): по имени самой успешной польской королевской династии литовского происхождения, Ягайлы.

Исторические тенденции. 15 лет назад Польша тоже была в оппозиции, стремясь стать лидером новой (Восточной) Европы в противовес большой (Старой) Европе, где тогда работали национально, не США-ориентированные лидеры: Ширак, Шрёдер, Берлускони… Возражавшие Бушу-"джуниору", вторжению в Ирак (2003), началу хаоса.

Польша тогда тянула под правящую руку США целую стаю восточноевропейских стран ("Прибалтийские львы", Румыния…), безбожно преувеличивая своё на них влияние, пытаясь слепить Новую, стопроцентно лояльную Бушу Европу — в укор Старой. Но их политика: противостоять ближайшему окружению с опорой на дальнего заступника-покровителя — имеет более давние исторические корни.

Двести двадцать лет тому назад "далёким (в тогдашних политических масштабах!) заступником" был не US-президент, а… Наполеон.

Вдумаемся! Польша — единственная страна (из европейских, с солидной историей), в государственном гимне которой воспевается действующий (действовавший на момент создания) иностранный (!) политик и даже…процесс обучения у него. Гимн "Ещё Польска не сгинела":

Вислу перейдем и Варту,
Будем поляка́ми.
Дал пример нам Бонапарте,
Как должны мы побеждать.

Перевод неказист, но оригинал с музыкой мазурки красив. Украинский "Ще-не-вмерлик", как отмечалось: жалкое подражание.

Поступь истории: 1800-е — Бонапарт; 2000-е Буш-"джуниор". 2018 — Трамп.

Апелляция к истории — давняя черта… Помню, какая буря полемики (в которой мне довелось немного поучаствовать) поднялась после выхода художественного (!) фильма Владимира Хотиненко "1612: Хроники смутного времени".

Популярная газета Nasz Dziennik восклицала: "Кто допустил распространение в Польше антипольского российского фильма?.. К сожалению, Михал Жебровский позволил уговорить себя сыграть роль злодея, преступника и бандита, к которому обращаются "пан гетман". Участие выдающегося польского актёра должно было, по замыслу режиссёра, сделать этот персонаж достоверным". Кстати, сам Жебровский гордился этой ролью. В статье сквозила и определённая зависть: "Дождёмся ли мы ответа польской кинематографии на пропагандистские российские фильмы — такие как "Год 1612"?

Далее полемика шла расходящимися кругами. Сверхзадача — утопить память о 1612-м и 1812-м годах: были только три великих и ужасных раздела Польши!

Польская история мира вообще проста: сначала Бог создал Землю, потом был Потоп, потом — Ягеллоны, потом — три ужасных раздела Польши, потом — Пилсудский, потом — Пакт Молотова—Риббентропа (который поляки, поддерживая факел исторической преемственности, упорно называют Четвёртым разделом). Потом — "Солидарность", потом — Качиньские. Всё…

Итак, герой польского гимна Бонапарт-заступник — ответ на жестокие три раздела Польши!

Что всеми силами стараются забыть, кроме 1612 года? Что после тех трёх разделов 18 века, российская граница прошла практически по знаменитой "Линии Керзона" 1919 года! А что это за "Линия…"? Антанта, исходя из главного тогда принципа "Права наций на самоопределение" зафиксировала реальную восточную границу польского этноса! К "Линии Керзона" близка и сегодняшняя граница Польши. (Восточная граница! На западе — гигантские подарки Сталина: Силезия, Померания, выход к морю).

По набившим оскомину трём разделам 18 века: Россия тогда приняла под свой скипетр только белорусов, украинцев, литовцев.

Но после прогулки поляков с "заступником Бонапарте" в Москву-1812, Россия взяла… но уже не у поляков (!), а у Австрии и Пруссии (тоже шагали в бонапартовом обозе) их австро-прусские части, создав из них "буфер" — Царство Польское. Это уже наш исторический тренд — после глобальных нашествий строить "буфер". Прочий мир, признавая несравнимость усилий и жертв, официально признавал и право России на это: Версаль-1815 и Ялта-1945.

Долгая отдельная тема (позже надеюсь затронуть изменения относительной боеспособности русских и польских армий), но в 1812 году сам заступник-Наполеон считал подшефных поляков главными виновниками своего провала!

К польскому корпусу Понятовского претензий не было. Но записки Коленкура, ближайшего тогда к Наполеону человека, фиксируют ярость императора: "Где же польские казаки? Войну можно продолжить только когда они нейтрализуют русских казаков".

Наполеон хотел отдать под суд своего посла в Польше аббата Прадта: не выбил из поляков главного — обещанных казаков! Бедняги не ведали: хвастовство, гонор — базовые черты шляхтича; поляки обещали дать "польских казаков" — то чего не было в природе! Уланы хороши в правильном бою, но на коммуникациях, в партизанских рейдах, боевом охранении, разведке не могли и близко заменить казаков, чья школа подготовки — с рождения. И в России, когда после казацкого наскока Наполеон стал держать яд на случай плена и, бежав с Коленкуром, он всё возвращался к феномену: казаки, вспомогательные войска стали вдруг стратегически решающим фактором! Я ж за них воюю! (Войну 1812 года называл: "Вторая Польская". А они "кинули"!)

Это Дональду на заметку — с обещанными двумя "ярдами" баксов.

Игорь ШУМЕЙКО